

ТЕКСТ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (на примере литературного материала эпохи Траяна)

Доклад посвящен источниковедческому анализу сочинений Плиния Младшего как наиболее значительного из авторов, составлявших окружение императора Марка Ульпия Траяна. Тексты писем и панегирика рассматриваются на предмет содержащейся в них информации о жизни римской военной элиты.

Источниковедение истории Древнего Рима опирается на анализ самого разнообразного текстологического материала. Для эпохи Империи особой ценностью обладают эпиграфические и папирологические тексты [1, 89]. Сохраняют свое значение (как и в республиканский период) сочинения историографов. Среди последних особое место принадлежит Корнелию Тациту, Светонию, Диону Кассию и Геродиану. Несколько меньшей исторической (но ни литературной) ценностью обладают соответствующие биографии Плутарха. Существенно реже в качестве исторических источников привлекаются тексты литературных произведений, хотя трудно переоценить значимость сочинений Горация и Вергилия для решения вопроса о генезисе идеологии раннего Принципата. Как невозможно переоценить и роль произведений Апулея, Петрония, Марциала, Ювенала и Сенеки для изучения нравов эпохи. Но совершенно особое место среди текстуальных

материалов занимают письма и панегирик Плиния Младшего – современника и сподвижника Марка Ульпия Траяна, с правлением которого (98 – 117 гг.) связывают расцвет Римской державы [2, 410].

Исследование писем и панегирика Плиния Младшего имеет почти давнюю традицию. Однако на подлинно научную основу оно было поставлено лишь Т. Моммзенем. Правда, он не всегда критически подходил к вопросу о подлинности писем Плиния [3, 31]. В России в конце XIX – начале XX в. также появились работы, содержащие анализ творчества писателя, но они немногочисленны и содержат скорее литературоведческий подход [4]. В 1940 – 50-е гг. ситуация меняется. Показателем этого было издание полного русского перевода Плиния [5]. Одним из участников данного академического издания В. С. Соколовым в 1956 г. было опубликовано первое и на сегодняшний день единственное в отечественной историографии специальное монографическое

исследование наследия Плиния Младшего [6]. В соответствии со своим названием эта работа посвящена анализу сочинений Плиния как источника по истории культуры Рима эпохи Принципата. При этом понятие культуры берется автором в широком контексте: уделено много места исследованию общественного сознания, повседневности. Тем не менее такому важному вопросу, как жизнь армейского сообщества, которому принадлежала римская элита траянова века, и у В. С. Соколова почти не уделено места. Ученый аргументирует это тем, что сам Плиний якобы мало затрагивает данный вопрос [6, 238]. Тем не менее мы считаем целесообразным все же обратиться к тем разрозненным сведениям о социальном облике людей траянова круга, которые у данного автора встречаются.

Прежде всего следует классифицировать информационные компоненты, имеющиеся у Плиния по указанному вопросу. Упоминания о жизни военной элиты (т. е. римского истеблишмента эпохи Траяна), как и вообще о военных делах, можно подразделить на несколько групп: глорификация воинских доблестей; переписка по вопросам использования военной силы; сведения о посредничестве Плиния в решении частных проблем воинов; воспоминания Плиния о своей службе в качестве военного трибуна; обращения к лицам, имеющим отношение к военному делу, или упоминание о них; упоминания о конкретных военных событиях.

Как можно заметить, данная классификация условна: одни и те же информационные единицы (упоминания) могут быть одновременно отнесены к разным группам.

Как бы там ни было, воинским доблестям отводится у Плиния особое место в силу приверженности его римской старине, очевидно неотделимой от милитаризма. Плиний пишет: «Я из тех, кто преклоняется перед древними» (Ер. VI. 21.). Как справедливо замечает В. С. Соколов, «с этой точки зрения он делает оценку и правления Траяна» [6, 182]. В панегирике по сути представлена программа поведения для полководца, стремящегося в условиях принципата соответствовать престижному типу республиканского военного вождя. Полководец, в данном случае идеализированный Траян, подобно «древним» Фабианам, Сципионам и Камиллам, наравне с солдатами участвует в военных упражнениях, постоянно заботится о благополучии воинов (Paneg. 13). Он, довольствуясь малым, не знает усталости (Paneg. 14). Он опытен в военном деле и видит заслуги каждого солдата (Paneg. 15). Полководец, верный военным традициям патриархального Рима, неустанно укрепляет дисциплину в войске, поддерживает боевой дух солдат (Paneg. 18.). Наконец, что важно для ревнителя старины Плиния, идеальный полководец не использует свою военную власть для произвола в отношении сограждан (Paneg. 20).

Мнение о сервиллизме Плиния существует в науке давно [7, 26]. В самом деле, обращает на себя внимание совпадение подхода Плиния к образу идеального императора с направлением официальной пропаганды Траяна. В 107 г. была выпущена серия монет с изображением всех божеств и сакральных понятий Рима, что должно было связать существующее правление с «римским мифом». Было произведено копирование тех республиканских денариев, которые пропагандировали *pietas*, *fides*, *virtus*, причем в их военном аспекте [8, 111]. Иначе говоря, Плиний участвовал в пропаганде «военно-республиканских»

добродетелей траяновой эры. Это обстоятельство позволяет отнести к наследию Плиния как к репрезентативному источнику, отражающему настроения близких императору армейских кругов. О том, что данные настроения существовали в среде офицеров по крайней мере трибунского ранга, говорит то, что и средний командный состав в лице упомянутых Плинием представителей, его знакомых, также стремился на своем уровне соответствовать староримскому эталону (Ер. VII. 25; VIII. 23.).

Совершенно иной характер имеет вторая группа упоминаний, то есть переписка Плиния с Траяном по вопросу использования воинских сил. Эти письма, вошедшие в отдельную, десятую, книгу относятся к периоду наместничества Плиния в провинции Вифиния (111 – 113 гг.) и характеризуются наибольшей достоверностью среди всего эпистолярного наследия данного автора [6, 281]. Плиний делает запросы императору, следует ли использовать солдат для охраны тюрем (Ер. X. 19); сообщает о передаче подчиненных ему воинских сил в распоряжение других должностных лиц (Ер. X. 21; 27); просит разрешить вопрос об обнаруженных среди новобранцев рабах (Ер. X. 29.). Ответы императора как правило содержат мысль о необходимости сохранения армейских контингентов в боевом строю (Ер. X. 20; 22; 28.), об обеспечении чистоты рядов войска (Ер. X. 30). Непредвзятый характер писем десятой книги, очевидно не подвергавшихся литературной обработке, заставляет серьезно относиться к данным служебным по сути документам.

Столь же достоверными являются ходатайства Плиния за некоторых своих сослуживцев, других воинов, а также их близких (Ер. III. 8; X. 26; 87; 106). Сюда же можно отнести рекомендацию, данную Плинием своему другу Фабию Валенту (Ер. X. 86В). Также здесь следует указать на сообщение об участии Плиния в судебном разбирательстве по делу одного военного трибуна и его жены (Ер. VI. 31). В этой группе в целом содержится ценная информация, характеризующая роль армии в данную эпоху как социообразующего фактора, канала формирования и сохранения многофункциональных социальных, корпоративных связей.

Подобную информационную нагрузку несет четвертая группа. Здесь Плиний довольно отрывочно вспоминает о своей молодости, когда он служил в качестве военного трибуна в III Галльском легионе, стоявшем в Сирии. Несомненно, к этой группе можно отнести одно из названных писем, содержащих ходатайство за сына старого товарища Плиния примипиляра Нимфидия Лупа. Причем сын также оказывается офицером – префектом когорты (Ер. X. 87). Плиний по сути указывает в качестве причины своего особого дружеского расположения к Нимфидию именно обстоятельство совместной военной службы (Ер. VII. 16). Здесь же мы узнаем, что, находясь в Сирии, Плиний, тогда еще молодой офицер, находил возможность посещать лекции философа Артемидора, с которым даже сдружился (Ер. III. 11). Это в немалой степени характеризует круг интересов римских офицеров I – II вв. (см. ниже). С другой стороны, – примечательна оценка боевого духа, общего состояния армии времен молодости Плиния. Человек немолодой, он тем не менее скептически отзываясь о них: «И мы в молодости были на военной службе, но в то время (время Домициана – С. Т.) храбрость была в

подозрении, а бездеятельность в цене, у вождей не было авторитета, а у солдат послушания; никто не командовал, никто не повиновался; все было разнузданно, спутано, извращено; все вообще следовало скорее забыть, чем запомнить» (Ер. VIII. 14. 7). Здесь проявилось критическое отношение Плиния к предшествующему политическому режиму. Плиний, подобно Тациту, представитель новой знати, выдвинувшейся при Флавиях [9, 341]. В основном она была представлена именно такими выходцами из муниципальной среды [10, 126]. Эта знать, потеряв прежнего лидера в лице старой династии, которой была обязана своим, вероятно еще не совсем прочным, положением новой элиты, должна была полностью переориентироваться на нового лидера в лице восходящей династии Антонинов, а в силу этого – отбросить саму память о Флавиях. А. Б. Егоров убедительно развивает мысль о том, что, начиная с Антонинов, императорская власть институционализируется именно благодаря освобождению ее от прежних социальных связей со староримской знатью [11, 203]. В этой связи на первый взгляд парадоксально выглядит тяга Плиния к авторитету старины. С другой стороны, она объяснима: в ней проявились гиперкомпенсационные тенденции в самосознании новой знати, составившей опору Антонинов. Но что для нас здесь важно, все эти мотивы могут быть причиной необъективности Плиния в приведенном отрывке.

Еще одна группа упоминаний об армейских делах состоит из различных обращений к лицам, причастным военной службе, а также из упоминаний о них. Из этого круга заслуживает внимания шутовое обращение к какому-то офицеру по имени Сабин, который находит время между повседневными заботами лагерной жизни предаваться чтению (Ер. IX. 2.). Аналогичная

информация о нравах римского офицерства содержится в письмах Плиния Маммиану, вероятно командовавшему войсками в Британии (Ер. IX, 16; 25.).

Последнюю группу сообщений составляют упоминания о военных событиях: о войнах с даками (Ер. VIII. 4), о столкновении с германцами (Ер. II. 7.), о солдатском мятеже (Paneg. 6.). Однако ценность их наименее значительна, особенно в сравнении с материалом по военно-республиканской идеологии траянова правления и перепиской по вопросам использования военной силы.

Таким образом, в эпистолярном наследии Плиния Младшего и его панегирике Траяну содержится в целом довольно разнообразный материал, позволяющий дополнить и оживить наши знания о римской армейской действительности эпохи Принципата.

С другой стороны, важнейшей характеристикой сочинений Плиния Младшего является наличие в них важнейших сведений о характере корпоративных связей в среде высшего офицерства Империи. Через конкретные образы респондентов Плиния, в его собственном отношении к ним просматриваются черты той корпоративной солидарности имперской элиты, которые обеспечивали эффективное функционирование римского государства даже в самые критические моменты его истории, также находящие между прочим отражение в творчестве Плиния Младшего. Определяющим же фактором формирования и функционирования комплекса корпоративных традиций римской военной элиты здесь представляется механизм микросоциальных связей, реализуемых в виде патриархальных установлений старореспубликанского типа. В этой связи римская военная элита эпохи Принципата – проводник традиций полисного Рима в армейском сообществе Империи.

Литература

1. Бокщанин, А. Г. Источниковедение истории Древнего Рима / А. Г. Бокщанин. – М.: Изд. МГУ. – 160 с.
2. Крист, К. История времен римских императоров: в 2 т. / К. Крист. – Ростов-на-Дону, 1997. – Т. 1. – 576 с.
3. Mommsen, T. Zur lebensgeschichte Plinius des Jungeren / T. Mommsen // Hermes. – 1869. – Nr. 3. – S. 30 – 48.
4. Опацкий, С. Ф. Плиний Младший, литературный деятель времен Нервы и Траяна / С. Ф. Опацкий. – Варшава, 1878. 275 с.
5. Плиний Младший. Письма. Панегирик. – М. -Л., АН СССР, 1950. – 579 с.
6. Соколов, В. С. Плиний Младший. Очерк истории римской культуры времен империи. М.: Изд. МГУ, 1956 – 355 с.
7. Meivale Ch. Romans under the Empire. L., 1865. – 486 p.
8. Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.: Изд. РАН, 1995. – 748 с.
9. Гримм Э. Исследование по истории развития императорской власти: в 2 т. Т. II. Римская императорская власть от Гальбы до Марка Аврелия. СПб., 1901. – XIII, 767.
10. Ростовцев, М. И. Общество и хозяйство в римской империи: в 2 т. / М. И. Ростовцев. – М.: Наука, 2000. – Т. 1. – 400 с.
11. Егоров А. Б. Рим на грани эпох: проблемы рождения и формирования принципата. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 225 с.